

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 364.614.8:330.15

Н.В. Малыгина

КУЛЬТУРА ОХОТНИКОВ НА ДИКОГО СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ ДРЕВНИХ ПАЛЕОАЗИАТСКИХ ПЛЕМЁН КАК ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШАЯСЯ ОСНОВА ХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ТАЙМЫРА

В статье исследуются особенности хозяйственного уклада коренных жителей Таймыра. Установлено, что в период XVII–XIX вв. на Восточном Таймыре сформировался комплексный тип хозяйствования (рыбалка, охота на пушных зверей, сбор ягод и грибов, оленеводство) с доминированием охоты на дикого оленя. По мнению автора, национальная культура, определяемая хозяйственным укладом, играет большую роль, чем родство народов по языковой классификации, поскольку в конфликте с родственными самодийцами (ненцами) энцы и нганасане объединялись с эвенками и долганами.

Ключевые слова: охота на дикого оленя, хозяйственный уклад местного населения, нганасане, энцы, долгане, эвенки, ненцы.

N.V. Malygina

CULTURE OF THE WILD REINDEER HUNTERS OF ANCIENT PALEO-ASIAN TRIBES AS HISTORICALLY FORMED BASIS FOR THE TAIMYR ABORIGINAL ECONOMIC LIFESTYLE

The peculiarities of the Taimyr aboriginal economic lifestyle are researched in the article. It is established that during the XVII–XIX centuries the complex type of economy (fishing, hunting for fur animals, gathering berries and mushrooms, reindeer breeding) with the domination of hunting for the wild deer was created on the East Taimyr. According to the author, the national culture determined by economic lifestyle, plays a larger role than the kinship of people according to the language classification, because in the conflict with the kindred Samoyeds (the Nenets), the Enets and the Nganasans united with the Evenks and the Dolgans.

Key words: hunting for the wild deer, economic lifestyle of local population, the Nganasan, the Enets, the Dolgans, the Evenks, the Nenets.

Введение. Начало XXI в. ознаменовалось определением Арктики в качестве региона геостратегических интересов России со специфическими требованиями к обеспечению всех сфер жизни и экономической деятельности. Особое внимание уделяется проблеме поддержания благосостояния и просто выживания аборигенного населения северных регионов как последствию трансформаций в результате эскалации промышленного освоения арктических территорий и общего характера процессов развития посттрадиционного социума северных регионов.

Цель исследований. Определение закономерностей, характер и причины становления хозяйственного уклада коренных жителей Таймыра.

Задачи исследований. Рассмотрение специфических признаков древнего палеоазиатского субстрата как основы формирования хозяйственного уклада коренного населения Таймыра; выявление особенностей разных периодов колонизации Таймыра; определение характера и способов хозяйствования посттрадиционного социума северных регионов.

Результаты исследований и их обсуждение. Нганасаны – самый восточный из народов самодийской языковой группы. При раскопках стоянки в междуречье рек Авам и Хета (в районе расселения нынешних нганасан) были обнаружены остатки бескерамической культуры охотников на диких северных оленей периода V–IV тысячелетий до н.э., то есть времени климатического оптимума. По-видимому, к этому времени следует отнести первое широкое освоение Заполярья подвижными группами охотников, этнически и культурно близкородственных племенам позднего Мезолита, обитавшим в таёжной зоне Восточной Европы

и Сибири [1, 3, 4]. В период последующего ухудшения климата (рубеж III–II тысячелетий до н.э.) этими охотниками выработались те характерные черты культуры, которые прослеживаются у всех циркумполярных народов, потомков первых насельников Арктики. Во II–I тысячелетиях до н.э. в междуречье Оленька и Хатанги была выявлена культура охотников на дикого северного оленя (буолколлахская культура), уже характеризующаяся керамикой вафельными узорами и трёхгранными наконечниками стрел. Памятники этой культуры встречены на реке Хета, выше пос. Катырык (ручей Амакай) [3, 4, 12, 14]. Таким образом, коренные жители Таймыра – нганасаны и донганасанские племена, самодийцы по происхождению, ранние насельники Таймырского края. Можно предполагать, что они потомки древних неолитических охотников, носителей элементов буолколлахской культуры, населения Северной Сибири, самого северного тундрового населения Евразии, самый северный этнос Евразии [3, 4, 15]. Эти первые обитатели Таймыра продолжили традиции своих предков, положивших начало культуре полярных охотников на дикого северного оленя и освоивших арктические тундры [2, 3, 12, 14]. Окончательная консолидация нганасанов как особого этноса сложилась на Таймыре во второй половине XXVII – начале XXVIII веков. В XVII веке они, по-видимому, населяли лесотундру и южную тундру Таймыра в пределах Северо-Сибирской низменности, где ежегодно проходили, а иногда оставались и на зимовку тысячные стада дикого оленя. Здесь было достаточно леса и дров, бесчисленные озёра, реки и протоки, которые изобиловали рыбой. Позднее, когда эту территорию заняли долганы, нганасаны сдвинулись к северу в открытые тундровые ландшафты бассейнов р. Пясины и оз. Таймыр. Там располагались основные летние пастбища диких оленей, но условия жизни были гораздо суровее, чем в лесотундре. Здесь они оставались до прихода Советской власти [1, 5, 13]. Этнографы обычно разделяют нганасанов на две неравные по численности группы: авамские (западные) и вадеевские (восточные). В начале столетия вадеевские нганасаны кочевали на территории современного Хатангского района. Летом они собирались к юго-востоку от озера Таймыр, в частности, у озера Лабаз и других рыбных водоемов. Зимой уходили в покрытую лесом долину реки Хеты. Авамские нганасаны проводили теплое время года в обширных тундрах между рекой Пясиной и озером Таймыр, а зиму – у северной границы леса между озером Пясино и рекой Боганида [8, 14, 15]. Среди них выделялись две группы: авамские (пясинские), занимавшие бассейн р. Пясины, и таймырские, проводившие лето в бассейне р. Верхняя Таймыра, а зиму – в бассейнах рек Дудыпта и Боганида. В настоящее время авамская группа сосредоточилась в двух поселках (точнее, на территории двух сельских администраций) – Усть-Авам (300 чел.) и Волочанка (372 чел.) Дудинского района, а вадеевская – в поселке Новая Хатангского района (76 чел.) [8, 10, 14]. Последняя группа живет в окружении другого народа (долганов) и по принятому делению территории попадает в долганский этнохозяйственный ареал [8]. Постепенно через браки, устройство на работу и по другим причинам вадеевские нганасаны переселяются в Волчанку. Особенно интенсивно это движение происходило в 1960-е годы прошлого столетия. В настоящее время нганасаны составляют немного меньше половины всего коренного населения этой территории, но исторически они преобладали на этих землях (это 2/3 всего этноса) как потомки древнего населения Северной Сибири и самого северного тундрового населения Евразии – неолитических охотников на дикого оленя [6, 11, 13, 15]. Именно они играли здесь основную роль в использовании ресурсов северного оленя. Кости северного оленя являются основными остеологическими находками на всех таймырских поселениях первобытного человека, начиная с наиболее древней из известных стоянок – Тагенар VI, датированной радиоуглеродным методом примерно 6 тыс. лет до настоящего времени. Об огромной роли промысла дикого оленя свидетельствуют массовые находки каменных орудий, предназначенных для охоты и обработки добычи. С этим же связано расположение крупных стоянок на традиционных путях дикого оленя. Около стоянки Абылаах I (XII в. до нашей эры), расположенной на южном берегу реки Хета (12 км вверх от пос. Катырык) [3], до сих пор происходит переправа одного из основных миграционных потоков дикого северного оленя [9]. Дикий олень всегда занимал и до сих пор занимает в жизни нганасан особое место. Охота на него считалась и считается самым благородным делом. Мясо дикого оленя, в отличие от любого другого, в том числе и мяса домашнего оленя, считается единственной настоящей едой. В фольклоре нганасан все другие виды мяса фигурировали только как пища бедняков, стоящих на грани голода [14]. Хотя к середине XIX в. нганасаны уже освоили оленеводство, но до конца прошлого века оно было почти не развито. По рассказам стариков, собранных А.А. Поповым [11] в 1930-е годы, в недалеком прошлом семьи нганасан имели лишь по несколько домашних оленей.

Хантайские эвенки – небольшая по численности группа эвенкийского народа, не являющаяся автохтонной для Таймыра этносом. Исторически и этнически хантайские эвенки связаны с Эвенкией, откуда они небольшими группами и отдельными семьями в течение XVII–XX вв. проникали на юг Таймыра (предгорья Путорана, бассейн Хантайского озера), когда нынешняя Эвенкия энергично осваивалась русскими промышленниками, а соболь в этих землях был основательно выбит. Хозяйство хантайских эвенков всегда было комплексным. В конце XIX – начале XX вв. хантайские эвенки представляли собой

весьма замкнутую кочевую группу, занимавшуюся охотой, рыболовством и оленеводством. Но единственным товарным занятием являлся охотничий промысел. Они не более двух-трех раз в год выходили на факторию Плахино для сбыта пушнины и закупки всего необходимого [2, 6, 12].

Долганы – самая молодая по времени образования народность, проживающая на Таймыре (3/4), одна из малочисленных среди народов Севера в Российской Федерации. Народность образовалась в XVIII в. на территории Таймыра. Долгане имеют сложный многокомпонентный субстрат из северных якутов, «объякученных тунгусов» (вилуйских эвенков) и старожильского русского населения – затундренных крестьян [6, 7, 14]. Затундренные крестьяне – этнографическая группа русских старожилов, проживавшая вдоль рек Дудинка и Хатанга на Таймырском полуострове (Восточная Сибирь). Они пришли из европейской части России (Центрального и Восточного Поморья) в XVI–XVII вв. в Пясиду (как в тот период назывался Таймыр). С течением времени уклад жизни немногочисленных русских жителей внутренних районов Таймыра на Хатанге и Пясине приобрёл черты рационального для этих мест быта эвенков и якутов. В течение XVIII–XIX вв. усиленно протекал процесс взаимного сближения культуры и быта этих разных групп населения. В результате взаимодействия эвенков, якутов и русских затундренных крестьян в конце XVIII – первой половине XIX вв. сложился долганский этнос. Традиционные занятия долган – охота на дикого северного оленя, кочевое оленеводство, пушной промысел и рыболовство [14].

Ненцы в своём формировании и этническом развитии прошли сложный исторический путь. Материалы археологии, данные топонимики, антропологии позволяют довольно точно утверждать, что в начале I тыс. н.э. самодийские по языку этнические группы заселяли обширные лесостепные районы на огромном пространстве от восточных отрогов Урала до Саянского нагорья. Под натиском кочевников, гуннов и тюрок значительные группы самодийцев были вынуждены покинуть места прежнего обитания и уйти на Север в таёжные, а затем в тундровые районы. Те этнические самодийские группы, которые проникли в северные районы, столкнулись здесь с местным аборигенным населением, основным хозяйственным занятием которого была охота на дикого северного оленя [4, 12]. В результате контактов самодийцев с аборигенами сложилась родовая организация сибирских тундровых ненцев [1, 15]. Первые попытки проникновения ненцев на восток относятся к середине 30-х годов XVII века. Расселялись ненцы по берегам Енисея и его притоков [1]. Двухвековая оторванность приенисейских ненцев от западных соплеменников и ассимиляция ими энцев привела к образованию отдельной группы приенисейских ненцев со своими особенностями языка и материальной культуры. Хозяйство ненцев издавна было и остается комплексным [8, 14]. Период бескровного заселения Таймыра закончился. Богатые ямальские ненцы-оленьеводы энергично продвигаются на восток, осваивая Гыдан вплоть до Енисея, постоянно стремясь на восток, где имелись свободные пастбища. Но на их пути оказался достаточно крупный по масштабам севера Западной Сибири народ – энцы.

Энцы жили на Средней Оби. Территория их расселения в начале XVII в., по данным Б.О. Долгих [6], была довольно обширна и охватывала бассейны рек Таза в его нижнем и среднем течении (включая хотя бы отчасти его правый приток р. Худосей) и Турухана на юге (лесные энцы). На севере тундровые энцы жили, по-видимому, вплоть до Енисейской губы, причём частично и на правобережье Енисея (в районе устьев рек Курейки и Нижней Тунгуски). В XVII в. энцы окончательно сформировались как немногочисленная северная народность [1, 2, 15]. Богатые тундры и лесотундры низовьев Енисея, где были превосходные рыболовные угодья, обилие диких оленей, масса водоплавающей дичи и белых куропаток, богатейшие ягодники, оберегались энцами от постороннего вторжения. Со второй половины XVII в. под давлением ненцев с запада, селькупов, кетов и эвенков с юга энцы утрачивают свои территории в бассейнах Таза и Турухана и отступают на северо-восток на правобережье Енисея [6]. Их общая численность в начале XVII в., по предположению Б.О. Долгих [6], несколько превышала 3 тыс. чел., но в 1630–1631 гг. вследствие эпидемии оспы численность их значительно сократилась, очевидно, вымерли целые роды. Вторая половина XVII в. и XVIII в. были периодом непрерывных военных набегов и вытеснения энцев с большей части их исконных территорий вследствие сдвигов населения, вызванных русской колонизацией Западной Сибири. С юга в бассейны рек Таз и Турухан продвинулись селькупы, вытесненные хантами из Сургутского Приобья, с запада в зоне тундры освоившие кочевое крупно-табунное оленеводство ненцы (юраки) постепенно захватывали территории от Обской Губы до Енисея, с юго-востока энцам приходилось сдерживать давление кетов и эвенков. Третьей причиной первоначальной победы пришельцев были более прогрессивные экономические уклады, прежде всего, крупно-табунное кочевое оленеводство западных ненцев. У энцев же сохранялась старая система хозяйства, основанная на охоте (главный объект – дикий северный олень) и рыболовстве при вспомогательном значении оленеводства и связанными с этим формами социальной организации, более архаичные способы ведения войны и т.д. Эта экспансия пришедших со своими стадами

с запада ненцев-оленьеводов, обосновавшихся уже на правом берегу Енисея и вытеснивших из Таз-Енисейского междуречья энцев, однако не продвинулась за Енисей из-за решительного сопротивления энцев и присоединившихся к ним эвенков и долганов. Продвижение ненцев на восток, несмотря на попытки русской администрации установить твёрдые границы между ненцами и энцами в 1822 г., не закончилось с покорением тазовских тундр. В 1830–1840-х годах на левобережье Нижнего Енисея фиксируется приток ненцев с низовьев Оби, и конфликты из-за контроля над енисейскими землями обостряются. Их высшей точкой стало сражение у озера Туручедо в лесотундре на правом берегу Енисея зимой 1849/1850 г. Военный конфликт середины XIX в. на Енисее закончился поражением ненцев при озере Туручедо, остановившим продвижение ненцев на восток. К западу от него получило распространение крупностадное ненецкое оленеводство, но дальше на восток, вглубь Таймыра, крупностадное оленеводство ненцев не проникло, то есть исторически сложилось, что граница ненецкого влияния прошла по Енисею [8, 14, 15].

Заключение. Таким образом, за периоды заселения арктических территорий (XVII–XIX вв.) был сформирован комплексный тип хозяйствования коренных жителей Таймыра, состоящий из охоты, рыболовства, сбора ягод и грибов при вспомогательном значении оленеводства. Основным направлением является охота на дикого северного оленя, в основе которого лежит буолколлахская культура охотников на дикого северного оленя древних палеоазиатских племён, проживающих на громадной территории Восточной Сибири, что подтверждено материалами археологических исследований. Этнографический пример Таймыра показывает, как незначительные различия в экологических условиях обитания могут определять жизненный уклад разных народов. Так, более продуктивное домашнее оленеводство Западной Сибири не смогло вытеснить ориентацию хозяйства народов Таймыра на дикого северного оленя, где наблюдается самая многочисленная популяция и трудовые затраты на массовое разведение домашних оленей не оправданы. По всей видимости, эти два уклада плохо совместимы друг с другом, если оленеводы активно истребляют дикого оленя в местах своих кочёвок, а охотники содержат только малочисленные стада для транспортных целей и активно не принимают «более прогрессивные» методы хозяйствования. Возможно, что переход ненцев к массовому домашнему оленеводству был связан с ранним подрывом популяций диких северных оленей в Западной Сибири, а последующая экспансия в XIX в. за новыми пастбищами – с давлением с запада более оснащённых оленеводов Коми. Иной вывод из исторических событий противостояния оленеводов и охотников можно сделать и о том, что национальная культура, определяемая хозяйственным укладом, играет большую роль, чем родство народов по языковой классификации, поскольку в конфликте с родственными самодийцами (ненцами) энцы и нганасаны объединялись с эвенками и долганами. Наконец, пример долган показывает, что открытость другим культурам не просто культурный обмен, а активное усвоение их уклада и даже языка приводит к синтезу новых национальных культур, по-новому адаптированных к экологическим условиям. Это феномен очевидный теоретически, но крайне мало изученный.

Литература

1. Материалы архивного агентства администрации Красноярского края / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю. – Красноярск, 2010.
2. Боякова С.И. Заселение и освоение арктических территорий // Освоение Арктики и народы северо-востока Азии (XIX в. – 1917 г.). – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 12–26.
3. Грачёва Г.П. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. – М.: Наука, 1983. – 176 с.
4. Грачёва Г.П., Хлобыстин Л.П. О хозяйственном использовании дикого северного оленя населением Таймыра // Дикий северный олень в СССР. – М.: Советская Россия, 1975. – С. 249–251.
5. Долгих Б.О. Происхождение нгансанов // Сиб. этногр. сб. – М.; Л., 1952. – № 1. – С. 32–86.
6. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – 622 с.
7. Долгих Б.О. Происхождение долган // Сиб. этногр. сб. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – № 5. – С. 92–141.
8. Клоков К.Б., Шустров Д.Н. Традиционное оленеводческо-промысловое хозяйство Таймыра / под ред. акад. РАСХН Е.Е. Сыроечковского. – М.: Наука, 1999. – 124 с.
9. Малыгина Н.В. Хоросинхронная динамика диких северных оленей (*Rangifer tarandus* L.) на территории Восточного Таймыра как отклик на внешние вызовы // В мире научных открытий. – Красноярск, 2012. – С. 265–293.
10. Народы России. Атлас культур и религий. – М., 2010. – 320 с.
11. Попов А.А. Нгансаны. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 122 с.
12. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М.: Наука, 1976. – 311 с.

13. Симченко Ю.Б. Нганасаны // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – С. 81–98.
Сыроечковский Е.Е. Охота на диких северных оленей и проблема кругополярной культуры народов Севера // Северный олень. – М.: Агропромиздат, 1986. – С. 157–170.
14. Хлобыстин Л.П. Новое о древнем населении Таймыра // Происхождение аборигенов Сибири. – Томск, 1969. – С. 79–84.

УДК 327.8

О.Б. Сернецкий

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ СОТРУДНИЧЕСТВА КЫРГЫЗСТАНА И РОССИИ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1991–2009 гг.)

В статье в хронологической последовательности раскрываются основные этапы сотрудничества России и Кыргызстана в военно-политической сфере межгосударственных взаимоотношений в период 1991–2009 гг.

Ключевые слова: безопасность, декларация, соглашение, военно-политическая сфера, СНГ, ООН, ДКБ, военно-техническое сотрудничество.

O.B. Sernetsky

THE CHARACTERISTIC OF THE MAIN STAGES OF COOPERATION BETWEEN KYRGYZSTAN AND RUSSIA IN THE MILITARY-POLITICAL SPHERE DURING THE POST-SOVIET PERIOD (1991–2009)

The main stages of cooperation between Russia and Kyrgyzstan in the military-political sphere of the interstate relationship during 1991–2009 are revealed in the article in the chronological sequence.

Key words: safety, declaration, agreement, military-political sphere, CIS (Commonwealth of Independent States), UNO (United Nations Organization), ACS (Agreement of Collective Safety), military and technical cooperation.

Изучая историю военно-политического сотрудничества Кыргызстана и России в постсоветский период 1991–2009 гг., можно определить следующую периодизацию и основные направления этого сотрудничества:

- военно-политическое сотрудничество в 1991–1999 гг.;
- военно-политическое сотрудничество в 1999–2003 гг.;
- военно-политическое сотрудничество в 2003–2009 гг.

Отдельно хотелось бы выделить военно-политическое сотрудничество Кыргызстана и России в рамках международных организаций ШОС, ОДКБ и других в эти исторические периоды. Каждый период характеризуется своими особенностями и основными направлениями, которые хотелось бы рассмотреть более подробно.

Национальный суверенитет Кыргызстан обрёл после распада СССР 15 декабря 1990 г. Верховный Совет принял Декларацию о суверенитете республики¹, а 31 августа 1991 г. Декларацию о независимости Кыргызстана². Начался новый этап в новейшей истории Кыргызстана.

После распада Советского Союза перед Кыргызстаном, так же, как и перед другими бывшими союзными республиками, встали задачи по трансформации экономики и социальной сферы, строительству демократической системы политического и государственного управления, создания системы безопасности на различных уровнях – военном, экономическом, технологическом, информационном, экологическом и др.

Практически все бывшие среднеазиатские республики СССР в этот период столкнулись с рядом серьезных проблем в сфере обеспечения безопасности. Соблюдение условий самого существования любого суверенного государства неразрывно связано с обеспечением собственной безопасности, необходимости защиты национальных интересов. Безопасность – это ключевой момент истории народа, когда не только

¹ URL: <http://www.rus.gateway.kg/content/kg/History/11>.

² URL: <http://www.namsu.org.kg/index.php?option>.